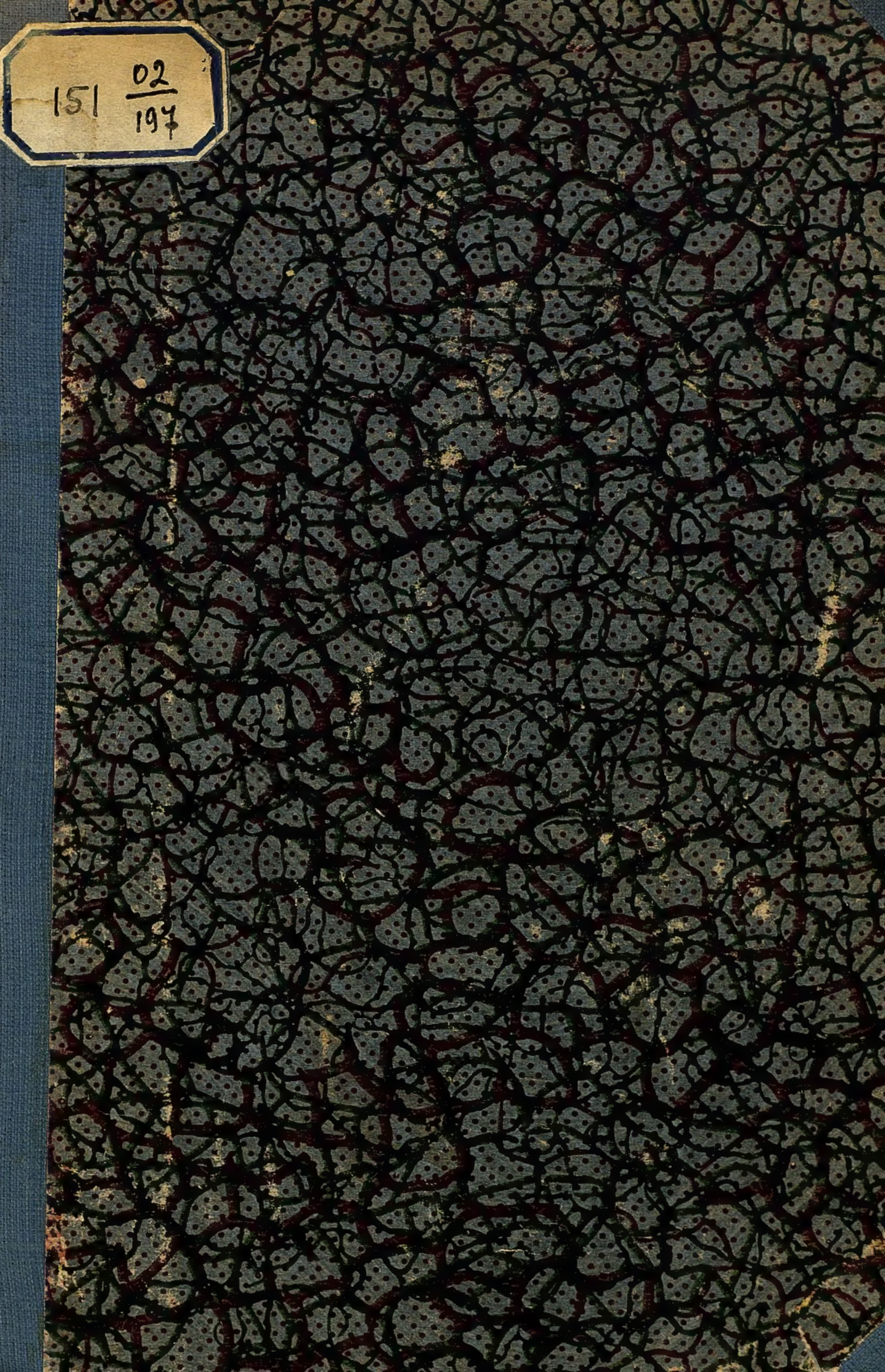

151 02/197

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ

СВЯТОСЛАВЪ ИГОРЕВИЧЪ

И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЕГО БОГАТЫРСКИХЪ ПОДВИГОВЪ.

В. Завитневича.

КІЕВЪ.
Типогр. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у. д. № 4. Телефонъ № 241.
1888.

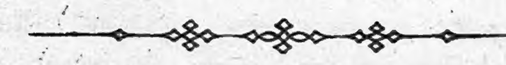
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ

СВЯТОСЛАВЪ ИГОРЕВИЧЪ

И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЕГО БОГАТЫРСКИХЪ ПОДВИГОВЪ.

В. Завитневича.

КІЕВЪ.

Типогр. Г. Т.-Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у. д. № 4. Телефонъ № 241.

1888.

Изъ журнала Труды Кіевской Дух. Академіи, за 1888 г. № 3.

Каждый молодой народъ, при выступленіи своемъ на историческое поприще, вынужденъ бываетъ выдержать сильную борьбу съ внутренними и внѣшними врагами, изъ которыхъ первые не позволяютъ ему сплотиться въ одно государство, вторые, нападая на него извнѣ, препятствуютъ расширенію и точному опредѣленію границъ этого новаго государства. Для борьбы съ этими врагами юный народъ выдвигаетъ рядъ дѣятелей, которые своими высшими дарованіями и неутомимой энергіей оказываютъ неоцѣненныя заслуги для своей страны и рядомъ истинно богатырскихъ подвиговъ увѣковѣчиваютъ свое имя въ памяти отдаленныхъ потомковъ. Къ числу такихъ своего рода богатырей должны быть отнесены многіе изъ нашихъ первыхъ русскихъ князей, между которыми особенно видное мѣсто должно быть отведено третьему по счету великому князю Кіевскому, Святославу Игоревичу, даровавшему намъ еще болѣе славнаго сына Владиміра.

Послѣ смерти отца, убитаго возмутившимися Древлянами, Святославъ остался малолѣтнимъ ребенкомъ. Умертвивъ Игоря, Древляне задумали привести въ исполненіе слѣдующій, крайне опасный для его юнаго сына, планъ: „Вотъ мы убили русскаго князя, говорили они; возьмемъ

теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его Святославомъ сдѣлаемъ, что хотимъ". Нужно было смирить непокорныхъ, наказать убійцъ и предотвратить грозившую опасность, и Ольга объявила войну Древлянамъ. Въ дружинѣ покойнаго Игоря не было недостатка въ опытныхъ и храбрыхъ мужахъ; но для открытія боя нуженъ былъ починъ князя. И вотъ, когда оба войска сошлись, младенца Святослава посадили на коня, дали ему въ руки копье, которое онъ, по словамъ лѣтописца, сунулъ въ Древлянъ; копье пролетѣло между ушей коня и упало къ его ногамъ, „бѣ бо дѣтескъ", замѣчаетъ лѣтописецъ. „Князь уже началъ; потянемъ, дружина, за княземъ"! сказали воеводы Свѣнельдъ и Асмудъ. Бой начался и Древляне были разбиты. Этотъ случай изъ дѣтской жизни Святослава былъ какъ бы предзнаменованіемъ тѣхъ славныхъ боевыхъ подвиговъ, въ которыхъ онъ провелъ почти всю свою жизнь.

Дѣтство свое Святославъ провелъ на попеченіи матери, которая, будучи христіанкой, хотѣла и сына своего воспитать въ христіанскихъ началахъ; но ея вліяніе совершенно ослаблялось вліяніемъ языческой дружины, къ которой очень рано пристрастился Святославъ. Напрасно мать убѣждала его принять христіанство: „Сынъ мой, говорила она, я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться". Святославъ не слушался и въ оправданіе ссылался на дружину: „Какъ мнѣ одному принять другой законъ? возражалъ онъ. Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться".—„Если ты крестишься, продолжала убѣждать мать, то и всѣ станутъ тоже дѣлать". Святославъ упорствовалъ, сердился и продолжалъ творить „норовы поганскіе". Причина такого упрямства заключалась не только въ дружинѣ, но и въ самомъ Святославѣ, въ его характерѣ, который лѣтописецъ изобразилъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ. „Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, во-

зовъ за собою не возилъ, равно и котловъ, потому что мяса не варилъ; но изрѣзавъ тонкими ломтями конину или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову; такъ вели себя и всѣ его воины". Византійскій писатель Левъ Діаконъ называетъ его „человѣкомъ пылкимъ, отважнымъ, сильнымъ и дѣятельнымъ". Когда Святославъ затѣвалъ войну, то не хитрилъ, не лукавилъ съ непріятелями; а прямо открыто заявлялъ врагамъ: „хочу на васъ идти". И послѣ этого дѣйствительно дѣлалъ нападеніе. Войны онъ велъ не для грабежа и наживы, а для блага родной земли, для славы русскаго имени и для того, чтобы потѣшить свою молодецкую удаль. Греки присылаютъ ему въ подарокъ золото и дорогія ткани; но Святославъ даже не интересуется этими дарами и презрительно замѣчаетъ: „спрячьте это". Но когда ему прислали мечъ и разное дорогое оружіе, онъ охотно принимаетъ его, любуется имъ и приказываетъ благодарить. Такова была и вся его дружина. „Народъ сей, говоритъ о дружинѣ Святослава Левъ Діаконъ, отваженъ до безумія, храбръ, силенъ". И это совершенно понятно. Предшественники Святослава, готовясь къ войнѣ, обыкновенно призывали къ оружію цѣлыя племена. Святославъ же принималъ въ свое войско только, такъ сказать, охотниковъ, людей храбрыхъ, т. е. такихъ же неугомонныхъ натуръ, какъ и самъ онъ. Онъ не любилъ предводительствовать неподвижнымъ, тяжелымъ на подъемъ, народнымъ ополченіемъ, для котораго нужны: обозъ, шатры, котлы и другія принадлежности походнаго комфорта; кусокъ поджареннаго на угляхъ мяса, сѣдло, конскій потникъ, вотъ и всѣ принадлежности походной жизни его и его дружины. За то смотрите, какіе подвиги онъ совершаетъ: поистинѣ съ легкостью барса переносится онъ съ мѣста на мѣсто; вездѣ является онъ во время и всюду, гдѣ только появляется, подобно какой то всесокрушающей

стихійной силѣ, приноситъ смерть и разрушеніе. Таковъ былъ князь, о подвигахъ котораго мы здѣсь разскажемъ.

При вступленіи Святослава въ управленіе Русскимъ государствомъ внѣшнее положеніе послѣдняго было таково. Трудами двухъ первыхъ кіевскихъ князей, Олега и Игоря, уже всѣ славяно-русскія племена, жившія въ системѣ рѣки Днѣпра, приведены были подъ власть кіевскаго князя и предѣлы государства, въ направленіи съ сѣвера на югъ, простирались отъ Ладожскаго озера до самаго устья Днѣпра, т. е. почти отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Въ другомъ положеніи находились западная и восточная границы: на западѣ Русь сосѣдила съ еще совершенно дикою Литвою и Польскимъ государствомъ; на востокѣ она соприкасалась съ цѣлымъ рядомъ тюркофинскихъ народцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые составляли довольно сильныя государства. Такъ, по среднему теченію р. Волги, при впаденіи въ нее р. Камы, расположено было царство Болгарское, съ главнымъ городомъ Булгаромъ, получившимъ извѣстность своею широкою торговлей. Въ сосѣдствѣ съ Болгарами, по р. Сурѣ (между Цной и Волгой) жило сильное финское племя Мордва, извѣстное у арабскихъ писателей подъ именемъ Буртасовъ. Низовья Волги и Дона заняты были Хозарами, у которыхъ было нѣсколько значительныхъ городовъ: въ устьѣ Волги расположенъ былъ богатый городъ Итиль, служившій посредникомъ въ торговлѣ средней Азіи съ Европой; на западномъ берегу Каспійскаго моря, на мѣстѣ нынѣшняго города Тарху или Тарки, расположена была древняя столица Хозарскаго царства—Семендеръ, славившійся своими роскошными садами; однѣхъ виноградныхъ лозъ въ немъ насчитывалось до 40,000; на Дону, гдѣ эта рѣка сближается съ Волгой, въ началѣ IX в. (около 835 г.), греческими инженерами сооружена была сильная крѣпость Саркелъ, извѣстная у русскаго лѣтописца подъ именемъ Бѣлой Вѣжи. Въ сосѣдствѣ съ Хозарами, по верхнему и среднему теченію р. Кубани, жилъ воинственный кочевой народъ Яссы и

Косоги, сосѣдившіе съ расположенной въ устьѣ Кубани русскою колоніей—Тмутараканью. Изъ всѣхъ этихъ народовъ самымъ сильнымъ были Хозары. Въ цвѣтущую пору хозарской имперіи власть хозарскаго кагана простиралась далеко на западъ до самаго Днѣпра. Въ первой половинѣ IX в. Хозарамъ платили дань даже нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, именно: Поляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи. Ослабленные въ борьбѣ съ Персами, Калифатомъ и Византіей, Хозары мало по малу стали утрачивать свою власть и надъ Славянами. Такъ, Поляне освободились отъ хозарской зависимости еще при Аскольдѣ и Дирѣ; Олегъ освободилъ Сѣверянъ и Радимичей. Ко времени Святослава, такимъ образомъ, только одни Вятичи еще платили дань Хозарамъ. Но положеніе Вятичей было исключительное; они жили по Окѣ; слѣдовательно, ихъ область принадлежала къ системѣ Волги, все среднее и нижнее теченіе которой находилось въ рукахъ Хозаръ, власть которыхъ простиралась и на Болгаръ и на Буртасовъ. Слѣдовательно, подчинить и удержать за собою Вятичей Кіевскій князь могъ не иначе, какъ сломивъ предварительно могущество хозарскаго кагана. Но у русскаго князя были и другіе поводы къ войнѣ съ Хозарами. Русскіе купцы искони вели торговлю съ прикаспійскими странами; ихъ караваны доходили иногда до границъ самаго Китая. Ознакомившись путемъ торговли съ этими областями, они иногда позволяли себѣ дѣлать на нихъ набѣги въ интересахъ грабежа. По свидѣтельству арабскихъ писателей, въ княженіе Игоря предпринято было два такихъ набѣга въ прикаспійскія страны: одинъ въ 913—14 г., другой въ 943—44 г. Особеннаго вниманія въ данномъ случаѣ заслуживаетъ первый изъ нихъ, подробно описанный у арабскаго писателя X в. Аль-Масуди. 500 русскихъ судовъ, съ 50,000-нымъ отрядомъ, собравшись на Азовскомъ морѣ въ устьѣ Дона, двинулись вверхъ по этой рѣкѣ и, дойдя до вышеупомянутой крѣпости Саркела, вступили въ переговоры съ хозарскимъ каганомъ, прося дать

имъ пропускъ въ Каспійское море и обѣщая за это половину будущей добычи. Получивъ разрѣшеніе, Руссы переправились волокомъ въ Волгу и, опустившись внизъ, вошли въ Каспійское море и стали грабить юго-западные берега его, производя всюду страшное опустошеніе: „Руссы, говоритъ Масуди, проливали кровь, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили имущество, распускали всадниковъ (для нападенія) и жгли. Народы, обитавшіе около этого моря, съ ужасомъ возопили, ибо имъ не случалось съ древнѣйшаго времени, чтобы врагъ ударилъ на нихъ здѣсь, а прибывали сюда только суда купцовъ и рыболововъ". Сборнымъ пунктомъ они избрали острова, расположенные противъ Бакинскаго полуострова, гдѣ на нихъ попыталось было напасть ополченіе изъ жителей прикаспійскихъ странъ; но Руссы разбили это ополченіе и потомъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ хозяйничали на берегахъ Каспійскаго моря, какъ у себя дома. Насытившись разбоями и нагрузившись добычею, они, наконецъ, рѣшили возвратиться на родину. Но на обратномъ пути ихъ постигло страшное несчастіе. Въ хозарскомъ войскѣ оказалось много мусульманъ, которые сильно озлобились на Руссовъ за пролитую ими мусульманскую кровь и обратились къ кагану съ просьбою о дозволеніи устроить мщеніе. Хотя каганъ условленную часть добычи и получилъ отъ Руссовъ, но тѣмъ не менѣе не нашелъ нужнымъ препятствовать своимъ подданнымъ воспользоваться другою частію. Собравшіеся враги въ количествѣ 15,000 напали на Руссовъ въ устьѣ Волги и, послѣ трехдневнаго боя, нанесли имъ рѣшительное пораженіе. Большая часть Руссовъ легло на мѣстѣ; а пятитысячный отрядъ, успѣвшій спастись вверхъ по Волгѣ, истребленъ былъ частію Буртасами, частію Болгарами.—Почти такой же печальный исходъ имѣлъ и второй походъ Руссовъ въ Закавказье, предпринятый ими въ 943—44 году. Мало того. Каганъ, боясь, чтобы Руссы „не опустошили всю землю Исмаиля до Багдада", издалъ указъ, которымъ русскимъ куп-

цамъ запрещалось переправляться въ эти страны. Итакъ, прежде указанный поводъ къ войнѣ съ Хозарами изъ-за Вятичей осложнялся еще жаждой мести за избіеніе единоплеменниковъ, что славянинъ язычникъ считалъ своею священною обязанностію, и—необходимостію возстановить права свободной торговли съ закаспійскими областями. Подъ вліяніемъ этихъ то мотивовъ Святославъ и предпринялъ свой знаменитый походъ на Востокъ, свѣдѣнія о которомъ—къ сожалѣнію, очень краткія—находимъ частію у нашего лѣтописца, частію же у арабскаго писателя второй половины X в. Ибнъ-Хаукаля.

Первый свой ударъ Святославъ направилъ противъ донской крѣпости Саркела, выстроенной, по всей вѣроятности, противъ русскихъ же и предназначавшейся закрывать съ этой стороны доступъ къ Волгѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ хозарской столицѣ—Итлию. Въ виду такого стратегическаго значенія Саркела, лежавшаго на мѣстѣ самаго большаго сближенія Дона съ Волгой, на выручку его поспѣшилъ явиться самъ каганъ съ своими полчищами. „И бывши брани, говоритъ нашъ лѣтописецъ, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжу взя“. Другими словами, въ происшедшей битвѣ хозарскія полчища были разбиты и крѣпость Саркелъ взята. Но съ этимъ успѣхомъ конечная цѣль похода Святослава достигалась только на половину. Дѣло въ томъ, что обычный водяной путь изъ Кіева въ Хозарію шелъ сначала Днѣпромъ, потомъ Чернымъ и Азовскимъ морями, затѣмъ Дономъ до Саркела и наконецъ волокомъ въ Волгу. Чтобы держать этотъ путь въ своихъ рукахъ, Хозары, кромѣ Саркела, содержали еще сильный гарнизонъ въ городѣ Таматархѣ (позднѣйшей Тмутаракани). Крѣпость эта, расположенная на Таманьскомъ полуостровѣ, въ устьѣ Кубани, господствовала надъ Керчинскимъ проливомъ и, въ случаѣ нужды, легко могла преграждать входъ изъ Чернаго моря въ Азовское. Гарнизонъ Таматархскій находился подъ прикрытіемъ сподручниковъ кагана—Яссовъ и Косо

говъ, которые въ каждую минуту могли явиться къ нему на выручку. Только при помощи этихъ двухъ крѣпостей (Саркела и Таматархи) хозарскій каганъ могъ, по его словамъ, „не допускать Руссовъ, прибывающихъ въ судахъ, нашествовать на Исмаелитовъ (мусульманъ)". Ясно, что если Святославъ хотѣлъ уничтожить это препятствіе, онъ долженъ былъ, кромѣ Саркела, захватить еще Таматарху и сокрушить силу Ясовъ и Косоговъ. И дѣйствительно, разбивши кагана, Святославъ спустился внизъ и, по словамъ нашего лѣтописца, „Ясы побѣди и Касогы". Послѣ этого Святославъ возвратился на Оку и уже безпрепятственно подчинилъ себѣ Вятичей и наложилъ на нихъ дань. Фактъ этотъ нашъ лѣтописецъ отмѣчаетъ подъ 966 годомъ.

Первый походъ Святослава на Востокъ, окончившійся такимъ блестящимъ успѣхомъ, фактически доказалъ, до какой степени ослаблено было теперь могущество когда то грознаго кагана и какъ легко теперь нанести ему окончательный ударъ, чѣмъ русскій герой и не замедлилъ воспользоваться [1]). Пробравшись на этотъ разъ, повидимому, Окою въ Волгу, онъ прежде всего напалъ на подчиненныхъ хозарскому кагану Камскихъ Болгаръ и взялъ и разорилъ ихъ столицу Булгаръ. Той же участи вслѣдъ затѣмъ подверглись и Буртасы, принимавшіе участіе въ истребленіи вышеупомянутаго пятитысячнаго русскаго отряда. Опустившись затѣмъ внизъ по Волгѣ, онъ овладѣлъ хозарскою столицей Итилемъ, а затѣмъ и Семендеромъ. Итакъ, въ два похода Святославъ овладѣлъ всѣмъ каганатомъ, со всѣми подчиненными ему областями. Каковы были дѣйствительные результаты этихъ по истинѣ богатырскихъ походовъ, съ этимъ знакомитъ насъ Ибнъ-Хаукаль, оставившій намъ слѣдующее драгоцѣнное

---

[1]) Ибнъ-Хаукаль этотъ второй походъ относитъ къ 969 году, когда, по свидѣтельству нашего лѣтописца, Святославъ уже велъ войну въ дунайской Болгаріи. Очевидно, въ показанія одного изъ этихъ писателей вкралась неточность.

свидѣтельство: „въ настоящее время, говоритъ этотъ арабскій писатель, не осталось и слѣда ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара, ибо Руссы истребили всѣхъ ихъ, отняли у нихъ всѣ эти области и присвоили ихъ себѣ. Тѣ же, которые спаслись отъ ихъ рукъ, разсѣяны по ближайшимъ мѣстамъ, изъ желанія остаться вблизи своихъ странъ, и надѣясь заключить съ ними (Руссами) миръ и подчиниться имъ". Такимъ образомъ, однимъ могучимъ ударомъ Святославъ радикально измѣнилъ политическую карту Восточной Европы: приднѣпровскія области, прежде платившія дань Поволжью, теперь стали по отношенію къ послѣднему въ господствующее положеніе и центръ политической тяжести съ Волги перенесенъ на Днѣпръ, арійская раса восторжествовала надъ тюрко-финской, Европа—надъ Азіей.

Не успѣлъ Святославъ возвратиться въ Кіевъ, какъ получилъ приглашеніе отъ византійскаго императора Никифора Фоки вступить съ нимъ въ союзъ противъ Дунайскихъ Болгаръ. Хотя послѣ смерти знаменитаго болгарскаго царя Симеона, при его преемникѣ Петрѣ, Болгарія стала клониться къ упадку, но все же она достаточно сильна была для того, чтобы помѣряться силами съ дряхлѣвшей византійской имперіей, раздираемой къ тому же постоянными внутренними смутами и угрожаемой извнѣ напоромъ мусульманства. Въ виду этого, не имѣя возможности справиться съ Болгарами самолично, Греки, благодаря своей искусной политикѣ, то и дѣло насылали на Болгаръ сосѣднихъ варваровъ—Угровъ и Печенѣговъ, а на этотъ разъ задумали направить на нихъ получившаго громкую извѣстность могущественнаго русскаго князя. Для переговоровъ съ Святославомъ отправленъ былъ патрицій Калокиръ, снабженный, согласно правиламъ византійской политики, достаточной суммой золота для подкупа. Но этотъ испорченный грекъ вѣроломно измѣнилъ своему государю и предложилъ Святославу осуществить слѣдующій планъ: овладѣвъ Болгаріей, оставить ее за собою, а ему—Калокиру

помочь занять византійскій престолъ. Планъ этотъ не могъ не понравиться Святославу. Съ присоединеніямъ къ Кіеву южныхъ славянскихъ племенъ Угличей и Тиверцевъ, которые, по словамъ нашего лѣтописца, „сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви“, южная граница русскаго государства расширилась до Дуная, за которымъ тоже жили Славяне. Въ пылкомъ воображеніи грознаго повелителя почти всей восточной Европы естественно должна была родиться мысль продолжить процессъ обединенія Славянъ, т. е. ту великую работу, которую такъ счастливо началъ первый кіевскій Великій князь Олегъ; не даромъ же главнымъ совѣтникомъ у Святослава былъ старый Свѣнельдъ, воспитанный еще въ школѣ этого *вѣщаго* князя. Дунай долженъ былъ привлекать вниманіе Святослава и по другимъ причинамъ. Дунай былъ главнымъ водянымъ путемъ, которымъ велась торговля приднѣпровскихъ, черноморскихъ и даже прикаспійскихъ странъ съ центральной Европой; Дунай, по народному преданію, еще совершенно свѣжему во времена Святослава, былъ родиною всѣхъ Славянъ; тамъ, слѣдовательно, покоился священный прахъ ихъ предковъ; на томъ же Дунаѣ, наконецъ, современники Святослава указывали „городище Кіевецъ“, представлявшее развалины небольшаго городка, построеннаго, по народному преданію, первымъ кіевскимъ княземъ Кіемъ. Въ виду всего этого намъ не должно казаться страннымъ слѣдующее свидѣтельство Льва Діакона: „Святославъ, услышавъ сіи слова (т. е предложеніе Калокира) не могъ удержать душевнаго стремленія... и, какъ человѣкъ пылкій, отважный, сильный и дѣятельный, возбудилъ все юношество Тавровъ (т. е. Руссовъ) къ походу“ [1]). И вотъ, собравши рать въ тысячъ 60, Святославъ въ 968 г. двинулся въ Болгарію. Въ устьѣ

---

[1]) Левъ Діаконъ, равно какъ и другіе византійскіе писатели, часто именуютъ русскихъ старыми географическими названіями: Тавровъ, Скиѳовъ, Тавроскиѳовъ и другими.

Дуная Святослава встрѣтилъ 30 тысячный отрядъ болгарскаго войска, которое попыталось было воспрепятствовать высадкѣ Руссовъ. Но Руссы, говоритъ Левъ Діаконъ, „быстро сошли съ судовъ, простерли предъ собою щиты, извлекли мечи и начали поражать ихъ (Болгаръ) безъ всякой пощады. Они не выдержали перваго сего нападенія, обратились въ бѣгство и, къ стыду своему, заперлись въ Дористолѣ“, укрѣпленномъ городѣ на Дунаѣ. Послѣ этого Святославъ свободно занялся покореніемъ Болгаріи и взялъ, по словамъ нашего лѣтописца, до 80 городовъ. Мѣстомъ своего пребыванія онъ избралъ придунайскій городъ Переяславецъ (Малую Преславну), который рѣшилъ сдѣлать столицею вновь пріобрѣтенной области.

Но въ то время, какъ Святославъ хозяйничалъ въ Болгаріи, Кіевъ, въ которомъ находилась престарѣлая княгиня Ольга съ внуками, обложили Печенѣги. Окруженные со всѣхъ сторонъ несмѣтными полчищами этихъ степныхъ варваровъ, томимые голодомъ и жаждою, лишенные возможности дать знать о своемъ положеніи Святославу, Кіевляне приходили въ отчаяніе. На другой сторонѣ Днѣпра, правда, собралось въ лодкахъ нѣкоторое число ратныхъ людей подъ начальствомъ воеводы Претича; но они, отрѣзанные отъ города, не въ состояніи были оказать серьезной помощи. Къ счастью, въ Кіевѣ оказался одинъ молодой человѣкъ, который умѣлъ говорить по печенѣжски. Выйдя изъ города и ходя между Печенѣгами, онъ спрашивалъ: „Не видалъ-ли кто его лошади“? Приблизившись такимъ образомъ къ рѣкѣ, онъ быстро снялъ платье и поплылъ. Увидѣвши обманъ, Печенѣги стали стрѣлять по немъ, но не могли уже попасть,—онъ былъ далеко. Между тѣмъ Русскіе съ противоположнаго берега поспѣшили выслать лодку къ нему на встрѣчу и перевезли его на ту сторону. Этотъ молодой человѣкъ объявилъ Претичу, что если онъ съ своею ратью завтра же не подступитъ къ городу, то послѣдній сдастся непріятелю. Боясь гнѣва Святослава, Претичъ рѣшился дѣй-

ствовать. На другой день, на разсвѣтѣ, вся рать сѣла въ лодки и громко затрубила. Услышавъ трубный звукъ, Кіевляне радостно откликнулись. Печенѣги подумали, что пришелъ самъ Святославъ и отступили отъ города; а тѣмъ временемъ Ольга съ внуками успѣла сѣсть въ лодку и переѣхать на ту сторону. Когда же Печенѣги прислали спросить о случившемся, Претичъ обманулъ ихъ: „Я, сказалъ онъ, мужъ княжескій, пришелъ съ передовымъ отрядомъ, а за мною идетъ самъ князь съ безчисленнымъ войскомъ“. Печенѣжскій князь подружился съ Претичемъ, обмѣнялся съ нимъ оружіемъ и отвелъ свои полчища подальше отъ города, но совсѣмъ не ушелъ. Воспользовавшись этимъ, Кіевляне послали сказать Святославу: „ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся: чуть-чуть насъ не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ матерью твоею и дѣтьми; если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; не ужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери—старухи, ни дѣтей малыхъ“? Получивъ это извѣстіе, Святославъ поспѣшилъ въ Кіевъ и прогналъ Печенѣговъ въ степь; но здѣсь онъ не долго оставался. „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и боярамъ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ средина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Грековъ золото, ткани, вина, овощи разныя; отъ Чеховъ и Венгеровъ серебро и коней; изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ“. Удерживавшая Святослава въ Кіевѣ мать скоро умерла и онъ, раздѣливши по обычаю того времени Русскую землю между своими сыновьями, опять поспѣшилъ въ Болгарію, снова овладѣлъ выдающимися городами и обнаружилъ намѣреніе остаться здѣсь навсегда. Но въ это время въ Константинополѣ совершился государственный переворотъ, быстро измѣнившій положеніе дѣлъ въ Болгаріи.

Насколько красивая, настолько и развратная императрица Ѳеофано, promѣнявшая прежде Романа II на Никифора, теперь задумала опять промѣнять послѣдняго на его

двоюроднаго брата Іоанна Цимисхія, одного изъ самыхъ знаменитыхъ полководцевъ своего времени. Составленъ былъ заговоръ, исполнители котораго, скрывшись предварительно въ покояхъ Өеофано, пропустили потомъ во дворецъ Цимисхія и Никифоръ былъ убитъ, а Цимисхій занялъ престолъ. Новый византійскій императоръ оказался достойнымъ соперникомъ русскаго богатыря: „ростомъ онъ былъ малъ, но имѣлъ широкую грудь и плечи; сила у него была исполинская, въ рукахъ чрезвычайная гибкость и непреодолимая крѣпость. Эта геройская, неустрашимая и непоколебимая сила въ маломъ его тѣлѣ производила удивительную храбрость. Онъ не боялся нападать одинъ на цѣлую непріятельскую фалангу и, побивши множество воиновъ, невредимъ отступалъ съ быстротою къ своему войску. Въ прыганьи, въ игрѣ мячемъ, въ метаніи копій, въ натягиваніи луковъ и стрѣльбѣ онъ превосходилъ всѣхъ людей того времени. Говорятъ, что онъ, поставивъ рядомъ четырехъ коней, прыгалъ, какъ птица, и садился на самаго послѣдняго. Онъ такъ мѣтко умѣлъ стрѣлять въ цѣль, что могъ попадать въ отверстіе кольца. Онъ клалъ на дно стеклянаго сосуда кожанный мячъ, пришпоривалъ коня и на всемъ скаку, ударивъ по немъ палкою, выбивалъ его вонъ, а сосудъ безъ всякаго вреда оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ". Такъ описываетъ Цимисхія его историкъ Левъ Діаконъ.—Устроившись у себя дома, новый императоръ обратилъ вниманіе на Болгарію, гдѣ хозяйничалъ Святославъ, къ которому онъ обратился съ предложеніемъ получить обѣщанное Никифоромъ вознагражденіе за помощь противъ Болгаръ и возвратиться домой. Но Святославъ и слушать не хотѣлъ о прежнихъ условіяхъ. Онъ прямо заявилъ, что „онъ не оставитъ этой богатой области, если не дадутъ ему великой суммы денегъ, и если не выкупятъ завоеванныхъ городовъ и плѣнныхъ. Если же Римляне не захотятъ мнѣ столько заплатить, добавилъ онъ, то да переселятся они изъ Европы, имъ не принадлежащей,

въ Азію; да не мечтаютъ, что Тавроскиѳы (т. е. русскіе) безъ сего примирятся съ ними". Въ свою очередь Цимисхій, напомнивъ Святославу объ участи, постигшей отца его Игоря, предлагалъ немедленно оставить Болгарію, чтобы не вынудить его—Цимисхія идти противъ себя; такъ какъ въ такомъ случаѣ, грозилъ онъ, обращаясь къ Святославу, ты „со всею ратью погибнешь въ сей странѣ и ни одно огненосное судно не придетъ въ Скиѳію (Русь) съ извѣстіемъ о постигшей васъ жестокой участи". Въ отвѣтъ на эти заносчивыя слова Святославъ отправилъ слѣдующій, полный холодной сдержанности и гордаго достоинства, отвѣтъ: „не вижу никакой необходимости, отвѣчалъ Святославъ, побуждающей римскаго государя къ намъ идти; посему да не трудится онъ путешествовать въ нашу землю; мы сами скоро поставимъ шатры свои предъ византійскими воротами, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ и, если онъ рѣшится выступить на подвигъ, мы храбро его встрѣтимъ, покажемъ ему на самомъ дѣлѣ, что мы не бѣдные ремесленники, живущіе одними трудами, но храбрые воины, побѣждающіе враговъ оружіемъ; хотя, по невѣжеству своему, онъ считаетъ русскихъ слабыми женщинами и хочетъ устрашить ихъ своими угрозами, какъ пугаютъ грудныхъ дѣтей разными чучелами". Этотъ отвѣтъ заставилъ Цимисхія готовиться къ походу. Союзники Святослава, Угры и Печенѣги, отправленные разорять Ѳракію, были разбиты полководцемъ Вардою Склиромъ; а самъ императоръ поджидалъ наступленія весны. Но вотъ приблизилась страстная седмица. Русскіе, не надѣясь, чтобы Греки, въ виду наступавшей Пасхи, рѣшились, открыть военныя дѣйствія, вели себя безпечно. Между тѣмъ императоръ, пройдя Балканскія ущелья, которыя, къ немалому его удивленію, оказались не занятыми безпечнымъ непріятелемъ, неожиданно явился предъ Великой Преславой, городомъ, въ которомъ находился отрядъ Русскихъ подъ начальствомъ воеводы Сфенкела. Но не смотря на эту неожиданность, ни на громадное войско

Русскіе не потерялись: „они немедленно схватили оружіе, подняли щиты на рамена, стали въ сильный боевой порядокъ и, какъ рыкающіе дикіе звѣри, съ ужаснымъ и страшнымъ воплемъ выступили противъ непріятеля на ровное поле, предъ городомъ". Не смотря на громадное превосходство силъ непріятеля, Русскіе долго не уступали поля битвы. Тогда императоръ направилъ на лѣвое крыло отрядъ отборной своей конницы, носившій названіе *безсмертныхъ*. Не имѣя конницы, которую они могли бы противупоставить отряду *безсмертныхъ*, Русскіе вынуждены были отступить къ городу и скрыться за его стѣнами. По приблизительному счету, Русскихъ пало въ этой битвѣ около 8,500 человѣкъ. На слѣдующій день—это была великая пятница—императоръ повелъ войска на приступъ. Защищая стѣны, бросая копья, стрѣлы и камни, Русскіе опять совершали чудеса храбрости. Но вотъ, наконецъ, одинъ храбрый юноша, поимени Ѳеодосій Месоникть, взобрался на городскую стѣну; за нимъ послѣдовали другіе и городъ былъ взятъ Греками; рѣзня продолжалась на улицахъ. Вытѣсненные отсюда, Русскіе заперлись въ Кремлѣ. Мужественнѣйшіе изъ Грековъ, попытавшіеся было ворваться въ Кремль, были перебиты. Тогда императоръ приказалъ бросать за ограду огонь. Когда пламя охватило кремлевскія постройки, Русскіе, количествомъ около семи тысячъ, вышли въ открытое поле, построились въ боевой порядокъ и мужественно, къ величайшему изумленію Грековъ, почти всѣ погибли въ бою. Только Сфенкелъ съ горстью храбрецовъ ушелъ къ Святославу. Въ Преславнѣ Греки взяли въ плѣнъ юнаго болгарскаго государя Бориса, съ которымъ Цимисхій обошелся ласково и объявилъ, что онъ якобы пришелъ отомстить Руссамъ за нанесенныя ими Болгарамъ обиды. Вслѣдствіе этого, когда греческія войска направились отъ Преславны къ Доpистолю, гдѣ находился Святославъ съ главными своими силами, то лежавшіе по пути болгарскіе города добровольно переходили на ихъ сторону. Императоръ еще разъ попробовалъ было вступить въ пе-

реговоры съ Святославомъ, которые опять ни къ чему не привели. Тогда Цимисхій со всѣми своими силами подступилъ къ Дористолю, и началась продолжительная осада этого города, которая даже въ описаніи обыкновенныхъ историковъ блещетъ картинами, напоминающими собою знаменитую осаду Трои. Тутъ съ обѣихъ сторонъ изъ массы выдѣлялись свои Ахиллесы, свои Гекторы, свои Аяксы. Таковы съ русской стороны, напр., самъ Святославъ, исполинъ Икморъ, составлявшій въ бою правую его руку; таковъ вышеупомянутый Сфенкель, занимавшій третье мѣсто послѣ Святослава; таковъ Свѣнельдъ, этотъ своего рода хитроумный Одиссей и др. Въ греческихъ войскахъ тоже не было недостатка въ герояхъ: таковъ прежде всего самъ Цимисхій, вполнѣ достойный соперникъ Святослава; таковъ силачъ Анемасъ, однимъ взмахомъ меча отсѣкавшій голову съ плечемъ; таковъ другой силачъ Ѳедоръ Лалаконъ, который своей желѣзной булавою раздробливалъ самые крѣпкіе шлемы съ головами и др. Вообще же борьба велась такимъ образомъ. Русскіе, сомкнувъ свои длинные щиты и копья и образовавъ такимъ образомъ непроницаемую стѣну, подобно не удерживаемой лавѣ, устремлялись впередъ и никакая сила не въ состояніи была противустать имъ, пока они дѣйствовали въ этомъ строю. Но Греки, располагая огнеметательными орудіями и хорошо устроенной кавалеріей, ударяли обыкновенно во флангъ и, разстроивъ такимъ образомъ ряды Русскихъ, заставляли ихъ отступать къ городу. Планъ Святослава сжечь огнеметальныя греческія орудія— не удался; а попытка противупоставить стройной греческой кавалеріи свой на скорую руку сформированный конный отрядъ тоже не привела къ желанной цѣли. А между тѣмъ непріятельскій флотъ, страшный своимъ знаменитымъ греческимъ огнемъ, вошелъ вь Дунай и отрѣзалъ Рускимъ путь къ отступленію. При такихъ обстоятельствахъ и при недостаткѣ провіанта, даже дружина Святослава способна была поколебаться въ своемъ мужествѣ. Такое колебаніе

дѣйствительно обнаружилась, когда пали въ бою лучшіе воины и въ томъ числѣ знаменитый Икморъ, который „съ отрядомъ отборныхъ ратоборцевъ съ яростію нападалъ на непріятеля и побивалъ множество Грековъ". Святославъ собралъ совѣтъ, голоса на которомъ раздѣлились: одни совѣтовали „тайно, въ глухую ночь, сѣсть на суда и спасаться бѣгствомъ; ибо не возможно, говорили они, сражаться съ всадниками, покрытыми желѣзными латами, особенно—потерявши первыхъ ратоборцевъ, подкрѣплявшихъ войско и ободрявшихъ духъ воиновъ". Другіе разсуждали иначе: они совѣтовали „примириться съ Греками и такимъ образомъ, взявши съ нихъ клятву въ вѣрности, сохранить по крайней мѣрѣ остатокъ войска; ибо трудно, говорили они, тайно уплыть, когда огненосные корабли съ обѣихъ сторонъ стоятъ у береговъ и стерегутъ наши суда, чтобы немедленно всѣхъ ихъ сжечь, какъ скоро мы обнаружимъ намѣреніе на нихъ отправиться по рѣкѣ". Выслушавъ оба эти мнѣнія, Святославъ, вздохнувъ отъ глубины души, сказалъ: „Погибнетъ слава, сопутница русскаго оружія, безъ труда побѣждавшаго сосѣдственные народы и, безъ пролитія крови, покорявшаго цѣлыя страны, если мы теперь постыдно уступимъ Грекамъ. Итакъ, съ храбростію предковъ нашихъ и съ тою мыслію, что русская сила до этого времени была непобѣдима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая бѣгствомъ спасаться въ отечество, но или жить побѣдителями, или, совершивши славные подвиги, умереть со славою". Слова Святослава подѣйствовали. Назавтра опять дано было сраженіе, въ которомъ чуть не погибъ отъ руки Анемаса самъ Святославъ; но крѣпкая кольчуга и щитъ спасли его; за то Анемасъ, за свою дерзость, самъ поплатился жизнію. Смерть Анемаса до того воодушевила и воспламенила русскихъ, что они съ двойною силою начали нападать на врага, и была минута, когда Греки готовились обратиться въ бѣгство. Но въ эту критическую минуту самъ императоръ, съ копьемъ въ рукѣ, бросился

впередъ съ отрядомъ своихъ *безсмертныхъ* и остановилъ войска отъ бѣгства. А между тѣмъ поднявшаяся буря погнала на русскихъ тучи пыли и засыпала имъ глаза. Устоять при такихъ условіяхъ было не возможно. Къ тому же возбужденіе Грековъ дошло до болѣзненности: имъ стали представляться разныя видѣнія, возбуждавшія въ нихъ энергію. Все это вмѣстѣ взятое и на этотъ разъ похитило у русскихъ побѣду. Послѣ этого Святославъ окончательно убѣдился, что продолжать войну безполезно и не возможно. Отъ 60-ти тысячной его рати теперь въ живыхъ оставалось не больше 22-хъ тысячъ, изъ которыхъ способныхъ къ бою было еле половина. При такихъ обстоятельствахъ Святославъ заговорилъ о мирѣ, на который измученные Греки согласились съ радостію. По заключенному договору, русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнныхъ, сдать Дористоль и оставить Болгарію. Онъ обязывался также и впредь не вести войны съ Греками не только самъ, но и другимъ препятствовать въ этомъ. Договоръ скрѣпленъ былъ обычными подписями. При заключеніи договора Святославъ попросилъ о личномъ свиданіи съ Императоромъ. Цимисхій согласился и въ сопровожденіи блестящей свиты подъѣхалъ къ берегу Дуная. „Святославъ, говоритъ Левъ Діаконъ, переѣзжалъ чрезъ рѣку въ нѣкоторой скиѳской ладьѣ и, сидя за весломъ, гребъ наравнѣ съ прочими безъ всякаго различія. Видомъ онъ былъ таковъ: средняго роста, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и густыми усами. Голова у него была совсѣмъ голая и только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плечи широкія и весь станъ довольно стройный. Онъ казался мрачнымъ и дикимъ. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ, посреди ихъ вставленнымъ. Одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ, кромѣ чистоты, отъ другихъ неотличная. Поговоривъ немного съ импера-

форомъ о мирѣ, сидя въ ладьѣ на лавкѣ, онъ переправился назадъ". Можно представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ смотрѣли Греки на этого человѣка, одолѣть котораго они оказались не въ состояніи, не смотря на значительное превосходство своихъ силъ.

Заключивъ миръ, Святославъ отправился на родину. Извѣщенные Болгарами Печенѣги рѣшили напасть на него у днѣпровскихъ пороговъ. Узнавъ объ этомъ, Святославъ рѣшилъ зимовать въ устьѣ Днѣпра. Но съ наступленіемъ весны, въ виду отсутствія съѣстныхъ припасовъ и наступившаго голода, рѣшилъ продолжать путь. Свѣнельдъ совѣтовалъ ему обойти пороги на лошадяхъ, потому что извѣстно было, что Печенѣги стоятъ въ порогахъ. Святославъ не послушалъ этого совѣта и у пороговъ дѣйствительно подвергся нападенію и былъ убитъ. Печенѣжскій князь Куря обдѣлалъ черепъ Святослава въ золото и употреблялъ его, по своему варварскому обычаю, на пирахъ въ качествѣ чаши. Лѣтопись наша передаетъ это печальное событіе подъ 972 годомъ; слѣдовательно, Святославъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ: ему было только 30 лѣтъ. Такъ кончилъ жизнь свою этотъ знаменитѣйшій изъ героевъ и величайшій изъ полководцевъ своего времени.

Изъ представленнаго здѣсь очерка дѣятельности Святослава видно, что онъ почти все свое кратковременное княженіе провелъ въ походахъ и кіевскимъ княземъ считался только номинально. Слѣдовательно, и при исторической оцѣнкѣ его дѣятельности нужно обращать вниманіе главнымъ образомъ на значеніе его военныхъ походовъ. И прежде всего возникаетъ вопросъ: какихъ результатовъ достигъ Святославъ своимъ походомъ на востокъ? Главный и дѣйствительно важный результатъ этого похода былъ тотъ, что разгромомъ Святослава нанесенъ былъ неизгладимый ударъ могуществу хозарскаго царства, которое съ этого времени навсегда утратило свое вліяніе на сосѣдніе народы; а это для юнаго Русскаго государства было суще-

ственно важно. Знатоки Востока утверждаютъ, что тамъ сила обаянія побѣдителя на побѣжденныхъ находится въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи къ количеству отрѣзанныхъ побѣдителемъ головъ и разоренныхъ городовъ и селеній. Можно судить поэтому, какое впечатлѣніе произвелъ Святославъ своимъ разгромомъ на восточныхъ сосѣдей. Дѣйствительно, о немъ заговорили на самомъ далекомъ востокѣ; имя Руссовъ тамъ сдѣлалось до того страшнымъ, что даже одинъ слухъ о ихъ приближеніи заставлялъ жителей оставлять города и спасаться бѣгствомъ. Особенно важное значеніе этотъ походъ имѣлъ для усиленія Тмутараканскаго княжества. Скоро это княжество до того укрѣпилось, что при Ярославѣ Тмутараканскій князь могъ явиться опаснымъ соперникомъ князя Кіевскаго.—Не прошла безслѣдно для Руси и болгарская война. Святославъ владѣлъ Болгаріей около 4 лѣтъ. Въ теченіи этого времени сношенія Руси съ задунайскими христіанскими областями были самыя оживленныя; на Руси появилось множество плѣнниковъ и плѣнницъ; послѣднія, становясь женами русскихъ людей, естественно оказывали на нихъ то или другое вліяніе. Извѣстно, что между женами Владиміра было двѣ задунайскихъ плѣнницы: гречанка и болгарка. Между наложницами Владиміра, которыхъ лѣтописецъ насчитываетъ до 800, тоже по всей вѣроятности не мало было приведенныхъ изъ-за Дуная плѣнницъ. Такимъ образомъ, благодаря болгарской войнѣ, число христіанъ на Руси, и въ частности при княжскомъ дворѣ, значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе ихъ здѣсь возрасло. Дружина Святослава, боясь насмѣшекъ которой онъ не соглашался принимать христіанство, послѣ долговременной жизни среди христіанъ, естественно должна была измѣнить свой взглядъ на христіанство. Все это, вмѣстѣ взятое, было одною изъ главныхъ причинъ того крупнаго поворота, который произошелъ на Руси въ пользу христіанства при Владимірѣ. Здѣсь же лежитъ причина того страннаго на первый взглядъ явленія, что Владиміръ, обнаружившій въ 980 и 983 г.

столько ревности въ служеніи языческимъ богамъ, не дальше какъ чрезъ 4 года, крестился самъ и крестилъ весь народъ. Странность эта объясняется очень просто: фанатизмъ, съ которымъ Владиміръ служилъ языческимъ богамъ, объясняется вліяніемъ на него сѣверной дружины, которую онъ привелъ съ собою изъ Новгорода. Первые годы своего княженія въ Кіевѣ, съ 980—985, онъ провелъ исключительно въ походахъ на Вятичей, Радимичей, Ятвяговъ, Поляковъ и Болгаръ; а походная жизнь служила самымъ лучшимъ условіемъ для тѣснаго единенія между княземъ и дружиной, интересы которой становились его собственными интересами. Лѣтописецъ прямо заявляетъ, что Владиміръ, возвратившись въ 983 году съ похода на Ятвяговъ, „творяше потребу кумиромъ *съ людми своими*"; людми князя, „княжьими людми", въ разсматриваемое время назывались только члены княжеской дружины. Когда же, съ окончаніемъ военныхъ походовъ, Владиміръ засѣлъ въ Кіевѣ, онъ невольно подвергся вліянію, такъ сказать, здѣшней атмосферы, которая со временъ болгарской войны сильно пропиталась духомъ христіанскимъ. Здѣсь и нужно искать причину происшедшаго въ его душѣ, столь неожиданнаго на первый взглядъ, переворота. Такимъ образомъ, то, что еще при Святославѣ казалось невозможнымъ, при его сынѣ, благодаря болгарской войнѣ, сдѣлалось совершенно естественнымъ и даже неизбѣжнымъ.

Но мы не все сказали бы для оцѣнки историческаго значенія военныхъ подвиговъ Святослава, если бы не отмѣтили еще слѣдующаго обстоятельства. Въ жизни всякаго, вновь возникающаго, государства весьма важную роль играетъ вопросъ о расширеніи его предѣловъ путемъ ли мирной колонизаціи, или посредствомъ военныхъ завоеваній; разысканіе и точное опредѣленіе границъ государства настолько существенно важно, что безъ разрѣшенія этого вопроса внутреннее культурное развитіе страны представляется крайне затруднительнымъ. Тамъ, гдѣ естественныя

географическія условія не даютъ основаній для точной постановки этого вопроса, онъ рѣшается обыкновенно путемъ опыта, на который истрачивается цѣлая масса народныхъ силъ и средствъ; борьба за границы ведется часто въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ и оканчивается иногда крайне печальными послѣдствіями. Святославъ оказалъ въ этомъ отношеніи для Руси неоцѣненныя услуги: своими походами, полными необузданной энергіи, онъ разъ навсегда показалъ, куда должна быть устремлена колонизація русскихъ силъ и гдѣ путь для нея закрытъ. Походы Святослава въ этомъ отношеніи можно сравнить съ разливомъ воды въ весеннее половодіе, когда сами собою опредѣляются мѣста, въ которыя можетъ устремляться избытокъ воды переполнившагося главнаго бассейна. Особенно важно то, что сдѣланный Святославомъ опытъ произведенъ былъ при сравнительно очень ничтожной затратѣ народныхъ силъ: свои войны Святославъ велъ на чужой территоріи и на чужія средства; его войско состояло не изъ народнаго ополченія, а изъ сравнительно небольшой дружины, которая содержалась и оплачивалась на счетъ военной добычи.

Разсказъ о борьбѣ Святослава съ Цимисхіемъ мы передали на основаніи показаній Льва Діакона. Нашъ же лѣтописецъ представляетъ дѣло нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. По его словамъ, количество *дружины* Святослава не превышало 10,000, тогда какъ войско византійское простиралось до 100,000. Разбивши непріятельскую армію, взявши съ Грековъ большой окупъ на дружину и наложивши на имперію дань, Святославъ нашелъ невозможнымъ оставаться въ чужой землѣ съ горстью своихъ храбрецовъ, а рѣшился возвратиться домой съ тѣмъ, чтобы, если Греки не станутъ платить дани, то привудить ихъ къ этому походомъ на самый Константинополь. Въ виду этого можно съ большою вѣроятностью предположить, что еслибы Святослава не постигла преждевременная смерть, то онъ не отказался бы отъ своей завѣтной мысли утвердиться въ Болгаріи и эта славянская

земля была бы соединена съ единоплеменною Русью единствомъ княжеской династіи. Хотя въ задачу исторической науки не входитъ гаданіе о слѣдствіяхъ не существовавшихъ причинъ, тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ замѣтить, что еслибы этотъ грандіозный планъ Святослава приведенъ былъ въ исполненіе, то не только Россія и задунайскіе Славяне, но и сама Византія могла бы имѣть иную, болѣе счастливую, исторію. Зная тогдашнее политическое состояніе Византійской имперіи, можно съ увѣренностью утверждать, что утвердись тогда русскій князь въ Болгаріи, переходъ въ его руки Константинополя былъ бы лишь вопросомъ времени. Обновленная свѣжей народной славянской стихіей, дряхлѣвшая Византія, съ одной стороны, обнаружила бы гораздо больше устойчивости въ борьбѣ съ мусульманствомъ, съ другой стороны, ея потухавшая образованность вновь забила бы живымъ ключомъ. Вспомнимъ, какою свѣтлою чертою отмѣчаетъ исторія царствованіе въ Византіи славянина Юстиніана. Представьте же теперь, что на Византійскомъ престолѣ сидитъ цѣлый рядъ такихъ талантливыхъ людей, какъ Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, его сынъ Мстиславъ и внукъ Изяславъ, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III и цѣлый рядъ высоко-даровитыхъ первыхъ московскихъ князей. Представьте также себѣ, что сотрудниками у этихъ государей были бы не вѣроломные, до мозга костей испорченные, себялюбцы и интриганы Греки, а лучшіе представители молодого, даровитаго славянскаго племени, усвоившіе плоды греческой образованности. Думаемъ, что тогда историческая судьба Восточной Европы была бы другая, а въ частности—о злополучномъ *восточномъ вопросѣ*, который теперь страшнымъ кошмаромъ давитъ всю Европу, тогда бы не могло быть и рѣчи.

MC

